

Российский опыт

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

«Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР

Александр Вячеславович АПАНАСЕНКО

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

ЦИТИРОВАНИЕ: Апанасенок А.В. «Коммунистическая» трансформация
и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи
позднего СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика,
право. 2022. Т. 15. № 5. С. 163–184.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

Статья поступила в редакцию 15.09.2022.
Исправленный текст представлен 01.11.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена феномену «коммунистического сдвига» в массовой православной культуре позднего СССР. Автор анализирует просоветскую риторику Русской православной церкви, а также особенности сознания рядовых верующих, которые позволили сообществу православно-ориентированных граждан остаться частью советского социума в культурном смысле. В работе показано, что в послевоенный период церковью были приложены значительные усилия для формирования социальной доктрины, созвучной идеалам КПСС. Основу этой доктрины составили советский патриотизм, борьба за мир, равенство*

и братство народов, социальная справедливость и прогресс, уважение к человеческой личности с параллельной критикой пороков капиталистического строя. В 1950–1980-е годы соответствующие ценности неизменно провозглашались в официальных выступлениях, проповедях, публикациях представителей РПЦ. При этом последние старались по возможности не затрагивать принципиально неразрешимого в советских реалиях противоречия между религиозным и атеистическим мировоззрением.

«Коммунистическая трансформация» церкви как сообщества верующих не была лишь стратегией выживания.

Социализация в советской культурной среде обусловила формирование многочисленной прослойки священников, искренне разделявших идеалы строительства «нового мира», веривших в совместимость религии и коммунизма, а также в великую историческую миссию СССР. Советский патриотизм клириков стимулировался и духовными запросами православно-ориентированных граждан, всё больше привыкавших считать себя советскими людьми. В статье демонстрируется, что значительная часть населения видела в социалистических преобразованиях практическое воплощение христианских ценностей, закрывая глаза на атеизм господствующей идеологии или рассматривая его как недоразумение, с существованием которого необходимо смириться. Миссия церкви при этом часто связывалась посетителями православных храмов с духовной поддержкой в новых социальных условиях и помощью государства в его благих начинаниях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православие, СССР, советская культура, общественное сознание, коммунистические ценности, патриотизм, идентичность.

Введение

В конце 2022 г. исполняется сто лет с момента образования СССР. Этот символический юбилей сам по себе является неплохим поводом для того, чтобы задуматься об уникальных особенностях исчезнувшей цивилизации, а в свете участвовавших призывов возродить ее наследие рефлексия в отношении советского прошлого оказывается особенно злободневной. Важно помнить, что Советский Союз был соткан из противоречий, которые, несмотря на формальное устранение в конце XX в., не перестают влиять

на культурную и политическую жизнь современной России. Пропаганда материалистического мировоззрения сочеталась в СССР с аскетизмом, сциентизм – с недоказуемыми идеологическими постулатами. Стремление к полному освобождению личности не помешало КПСС поставить жизнь граждан под контроль, а воплощение социалистических идей привело Страну Советов к железному занавесу со странами, их породившими.

Еще одним парадоксом советской реальности стало место в ней религиозной культуры. Партийными идеологами постоянно декларировалось фундаментальное противоречие последней по отношению к коммунистическому мировоззрению. Уже в начале 1950-х годов было заявлено, что подавляющая часть советских граждан отказалась от религии [Худяков, 1951]. Системная работа по массовой атеизации продолжалась в последующие десятилетия, однако закончилась не победой научного взгляда на мир, а церковным ренессансом. По утверждению председателя Совета по делам религий, в 1988 г. 70% населения были готовы назвать себя верующими [Поспеловский, 1995, с. 392]. Даже если эти данные несколько завышены, остается очевидным тот факт, что на практике многие граждане в эпоху позднего СССР сумели совместить теоретически несовместимое – советскую и конфессиональную идентичность. На отсутствие непроходимых барьеров между «советским» и «религиозным» в массовом сознании граждан указывает и относительная легкость перехода советской номенклатуры на позиции «сочувствующих» конфессиональным традициям, и распространение мифов о «тайном православии» советских военачальников эпохи Великой Отечественной войны, и даже появившийся в постсоветское время феномен «православного сталинизма».

Парадокс «советских верующих» пока не осмыслен должным образом в научной среде, чему в немалой степени препятствует стереотип «бинарного социализма», сформировавшийся в западной научной среде в послевоенный период¹, утвердившийся в отечественной историографии в начале 1990-х годов и предполагающий рассмотрение общественных отношений в Советском Союзе через призму категорий «подавление»/«сопротивление» [Юрчак, 2021, с. 38]. В недавнем религиозном прошлом большинство исследователей видит прежде всего конфронтацию. Как справедливо замечает М. Каиль, история конфессиональной культуры соответствующего периода пишется преимущественно как процесс противоборства партийно-государственных структур, с одной стороны, и сообществ верующих – с другой [Каиль, 2021]. В результате мы располагаем едва ли не исчерпывающими сведениями об эволюции государственно-церковных отношений и антирелигиозных кампаниях, но при этом имеем весьма поверхностные представления о процессах, происходивших в среде конфессионально-ориентированных граждан. Сохраняется в академическом мире и традиция безапелляционного противопоставления религиозной культуры советскому образу жизни. Попытки проанализировать те или иные аспекты ее развития не «вопреки», а в контексте социалистической реальности предпринимались некоторыми зарубежными исследователями [Siegelbaum, 1992; Young, 1997; Stone, 2008; Такахаси, 2012; Киценко, 2012; Шлихта, 2012] и отдельными отечественными (см., например,

[Воробьева, 2019; Апанасенок, Бубнов, 2021; Лизгунов, 2021]), однако на российский научный мейнстрим они влияют слабо. В результате вопрос о «совмещении несовместимого» остается открытым.

В данной статье предпринимается попытка приблизиться к решению указанной проблемы и посмотреть на историю православной культуры эпохи позднего социализма 1950–1980-х годов², опираясь не столько на представление о конфронтации «советского» и «религиозного», сколько на допущение их сосуществования и взаимовлияния. Ее основная цель – охарактеризовать особенности трансформации массовой православной культуры, которые позволили православно-ориентированным гражданам СССР оставаться частью единого советского социума в культурном смысле и сохранять лояльность по отношению к государству. При этом предполагается ответить на ряд вопросов. Во-первых, какие пути для преодоления конфликта идентичностей предложила верующим Русская православная церковь (РПЦ) в лице своих иерархов и авторов? Во-вторых, насколько глубоко рядовые представители РПЦ были готовы интегрироваться в социалистическую реальность и принимать советские ценности? И, в-третьих, как представляли себе миссию религии и церкви в советском социуме граждане СССР, разделявшие коммунистические идеалы, но не ставшие атеистами?

В ходе работы над перечисленными вопросами автор опирался на материалы Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам

1 Применительно к религиозному вопросу в СССР можно отметить, что зарубежные авторы, а также представители русской эмиграции (Р. Конквест, У. Флетчер, Н. Струве и др.) часто упрощали или искажали отношение верующих к советскому строю, утверждая, что последние враждебно относятся «ко всему официальному».

2 В исторической науке нет единства относительного того, как датировать эпоху позднего социализма. В данной работе автор использует подход А. Юрчака, предложившего считать поздним социализмом период советской истории с конца сталинского периода до перестройки [Юрчак, 2021].

религий (СДР) при Совете Министров СССР³, документы партийных структур, церковные публикации 1950–1970-х годов, а также интервью с людьми, чье личностное становление пришлось на позднесоветский период.

Церковь и идеалы «нового мира»

Как известно, первые годы советской эпохи ознаменовались экзистенциальным конфликтом между православной церковью и новой властью. Несмотря на участие некоторых клириков в социалистическом движении и недовольство своим положением до 1917 г., в целом церковь оставалась носителем консервативных идеалов общественного устройства и сформировавшейся при самодержавии политической культуры. Соответственно, большая часть священнослужителей без энтузиазма либо враждебно восприняли Октябрьскую революцию. Несмотря на формальный нейтралитет церкви во время Гражданской войны, для большевиков были очевидны ее «прочные связи с дореволюционной Россией», что заставляло видеть в ней препятствие на пути строительства нового мира [Шкаровский, 2010, с. 72]. Однако укрепление советской власти было фактом, поэтому в 1920-е годы перед РПЦ встали две важные задачи: во-первых, сохранить себя в условиях атеистической политики государства, а во-вторых – помочь прихожанам преодолеть конфликт идентичностей в качестве верующих и советских граждан. Переход церкви на позиции политической (но не идеологической) лояльности к государству ознаменовала знаменитая

декларация митрополита Сергия (Старгородского) от 29 июля 1927 г. В ней архипастырь, отмечая важность сохранения православных устоев в жизни граждан, указал им путь для новой православно-патриотической самоидентификации: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»⁴.

Следовать предложенному принципу в довоенный период, впрочем, было чрезвычайно тяжело: репрессии против клириков и насильственное разрушение приходского уклада не давали православно-ориентированным гражданам оснований для отождествления себя с советской цивилизацией. Кроме того, в силу маргинализации конфессиональной культуры ее представителям просто не давалась возможность публично формулировать те или иные социальные взгляды. Шанс вернуться в активную общественную жизнь у сообществ верующих появилась только в годы Великой Отечественной войны, в условиях «сталинского конкордата». Относительная либерализация государственного курса и ограниченное восстановление приходской жизни дали им надежду на обретение фактического статуса полноправных граждан и заставили искать точки соприкосновения православных и советских идеалов.

В военные годы естественным полем для такого соприкосновения стали ценности патриотизма, эволюционировавшего в советский патриотизм. Известно, что РПЦ оказала значительную помощь фронту, даже в глазах власти заслужив наименование «патриотической» церкви [Смолкин, 2021, с. 129].

³ Совет по делам РПЦ был образован в 1943 г., Совет по делам религий – в 1965 г. в результате объединения Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов.

⁴ Цит. по: [Шкаровский, 2010, с. 117].

Возрожденный в 1943 г. «Журнал Московской Патриархии» уже в первых выпусках стал публиковать материалы о защите Родины, поддержке армии и т. п. [Лизгунов, 2021]. Позволив церкви вернуться в публичное пространство в 1940-е годы, ярко выраженная патриотическая позиция неизменно проявляла себя в церковной риторике последующих десятилетий. Нормой церковной жизни стали торжественные богослужения в честь годовщины Победы, а также приуроченные к ним патриотические проповеди с такими названиями, как «День Победы – день народного счастья», «О любви к Родине» и т. п.⁵ Наблюдатели от СДР подчеркивали, что выступления архиереев и обычных клириков, посвященные воспоминаниям об освобождении от «фашистского ига», пользовались особой популярностью у посетителей богослужений⁶. Юбилеи Победы отмечались с особенным размахом, священники читали целые циклы проповедей на эту тему. Например, в 1974 г. один из харьковских священников информировал уполномоченного СДР, что он заготовил столько газетного и другого материала о Великой Отечественной войне для предстоящего 30-летия Победы, что его хватит для проповеди на два года⁷. Распространенной практикой стало публичное ассоциирование представителями РПЦ дат церковного календаря с важными событиями войны. Например, день Георгия Победоносца

связывался с Днем Победы, день св. Феодосия Черниговского – с днем освобождения Чернигова и т. д.⁸

Формировать советский патриотизм у будущих клириков помогала система духовного образования. К началу 1970-х годов в программы духовных академий и семинарий были внедрены отдельные курсы «Конституция СССР», «История СССР», курс нравственного богословия был дополнен патриотически-ориентированными темами, в названиях которых фигурировало сочетание «Советская Родина»⁹. В 1974 г. ректор Московской духовной академии сообщал, что процесс подготовки священнослужителей обязательно предполагает воспитание «советского патриотизма, гражданственности и чувства долга перед народом, государством, Родиной»¹⁰.

Советский патриотизм оказался той ценностью, исповедание которой давало чувство уверенности и при позиционировании РПЦ ее представителями на международной арене. В воспоминаниях Н.С. Любоговского – участника первого паломничества группы советских граждан на Ближний Восток (1964 г.) – есть интересный сюжет, связанный с посещением православной школы в Сирии. Местная молодежь стала расспрашивать членов советской делегации о церковно-государственных отношениях и положении верующих в СССР. Откровенно ответить на эти вопросы в присутствии

5 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л. 153.

6 Типичная выдержка из такого рода проповеди (1969 г.): «День Победы над фашизмом отмечает всё прогрессивное человечество, христианский мир. Мы молим Бога, чтобы послал нам мир и спокойствие между народами, избавил от новой войны, которую несет народам США, а для этого надо крепить мощь нашей страны и стран социалистического лагеря» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л. 156а).

7 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 114.

8 Там же. Д. 476. Л. 15г.

9 В информационном отчете СДР за 1974 г. называются следующие темы: «Истинный патриотизм как естественная потребность нашего сердца», «Священный характер воинского долга и самоотверженного труда на благо своего народа и государства», «Воспитание паствы в духе любви к Родине, советского патриотизма, добросовестного отношения к труду на благо Отчизны», «Что такое Советская Родина, Советский гражданин» и т. п. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56).

10 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56.

корреспондентов было сложно, так как в Советском Союзе продолжалась хрущевская антирелигиозная кампания. Однако глава делегации архимандрит Ювеналий (Поярков) сумел обойти острые углы, указав на то, что у православных христиан и неверующих граждан одна Родина, заботу о которой они воспринимают как священный долг. Эта забота объединяет всех советских людей и дает им общие жизненные смыслы независимо от их отношения к религии [Людоговский, 2008, с. 55].

Другим направлением общественной деятельности и риторики, которое «оправдывало» существование церкви в новом социалистическом обществе, стала борьба за мир. В 1950 г. в «Журнале Московской Патриархии» появился объемный раздел «В защиту мира», призванный отразить солидарность православного сообщества с государством в его международных инициативах. Тема мира – одна из центральных в епископских посланиях и церковных проповедях с начала холодной войны и до конца советского периода. Исследователями указывалось, что вовлечение РПЦ в соответствующее международное движение было одним из условий терпимости со стороны государства [Беглов, 2018]. С другой стороны, оно соответствовало духовным запросам подавляющего большинства граждан, переживших ужасы войны. Например, оглашение в 1951 г. в церквях обращения патриарха Алексия по поводу проведения сбора подписей под обращением Всемирного Совета Мира привело к настоящему аншлагу. «Где на обычных службах присутствовали десятки верующих, в эти дни даже в сельских церквях присутствовало от 200 до 400 человек. Обращение Патриарха

слушалось верующими с напряженным вниманием», – писал по этому поводу представитель СДРПЦ¹¹. Как журнальные публикации церковных авторов, так и публичные выступления архиереев выражали идею необходимости тесного государственно-церковного сотрудничества в борьбе за мир. Например, епископ Курский Иннокентий, выступая в 1958 г. во время рождественской проповеди и подчеркивая важные заслуги советской власти в борьбе за мир, в то же время указал, что в этих устремлениях (по сути, христианских) она нуждается в помощи церкви и верующих. «Мир – результат нравственного самоусовершенствования людей, усвоения ими истинно-христианского образа жизни», – говорил владыка¹². Идею мира как фундаментальную и для христианства, и для советской цивилизации представители РПЦ транслировали регулярно и в последующие десятилетия, что импонировало прихожанам и одновременно использовалось советским правительством во внешней политике [Белякова, Пивоваров, 2018]. Кроме того, борьба за мир стала основанием для участия представителей РПЦ в крупных международных межрелигиозных мероприятиях с начала 1950-х до конца 1980-х годов [Мельник, 2022, с. 42–45].

Третьей декларируемой РПЦ точкой совпадения устремлений верующих и советской власти стало построение справедливого общественного порядка. Если ценности патриотизма всегда были близки православной церкви и в послевоенный период были просто подкорректированы в духе советского патриотизма, а участие в движении за мир отвечало духу христианства вообще, то идея активных социальных преобразований как фундаментального блага

11 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 839. Л. 133.

12 Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027. Оп. 5. Д. 16. Л. 13.

стала для РПЦ, в общем-то, новой. С конца 1940-х годов она аккуратно проводится авторами «Журнала Московской патриархии». Например, в 1948 г. знаменитый архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) призывал верующих увидеть «всё то доброе, полное великой социальной правды, что дал нам новый социалистический строй» [Лука, архиепископ, 1948, с. 62]. Один из самых авторитетных архиереев РПЦ митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) в 1954 г. писал о готовности верующих принять многие положения марксизма, который называл «в высшей степени привлекательным социально-экономическим учением», по непонятным причинам соединенным с атеизмом [Шлихта, 2012, с. 91].

Маркером новой социальной позиции церкви стало представление Октябрьской революции 1917 г. как события, открывшего дорогу соответствующим евангельским заповедям преобразования. В 1957 г., то есть в годовщину 40-летия революции, «Журнал Московской Патриархии» в редакционной статье указал на приоритет русского православия в поисках отношений к новому социалистическому миру: «Русский народ первым вошел в очистительное пламя революции, Русская православная церковь первой из всех церквей мира должна была понять совершающийся исторический процесс» [Сорок лет... 1957, с. 37]. Еще более однозначными стали церковные оценки революции во время подготовки и празднования ее следующего юбилея. Например, в Послании Патриарха Алексия в связи с 50-летием Октября говорилось, что революция претворила

в действительность мечты многих поколений людей, вернула народу все природные богатства страны, «изменила самую сущность человеческих отношений», сделав граждан равными друг другу и исключив из общества «любую возможность вражды между людьми»¹³. В документе также указывалось, что революционные начинания, созвучные евангельским идеалам, находят «всё большее понимание и поддержку со стороны широких кругов верующих людей»¹⁴.

Комментируя послание патриарха, влиятельный митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) писал: «Мы, верующие, хотим быть не только лояльными по отношению к советской власти, а желаем вообще не отделять себя от советской власти, советской общестственности, советских идеалов». Характеризуя себя как глубоко набожного человека, он в то же время добавлял, что не мыслит себя вне коммунистического строя. Заявляя о совпадении большинства ценностей православия и коммунизма, митрополит утверждал, что если КПСС разрешит своим членам быть верующими людьми, а верующим людям быть членами КПСС, «то от этого дело коммунизма только укрепитя и выиграет»¹⁵. Харьковский епископ Феодосий во время приуроченной к юбилею проповеди говорил о полном согласии государства и церкви, которое зиждется на общих целях, «отвечающих чаяниям народов». «Создавая самое гуманное, самое справедливое общество, – проповедовал архиерей, – мы тем самым осуществляем заветы, о которых мечтали христиане на протяжении веков»¹⁶. Аналогичные комментарии, связанные с положительной

¹³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 39.

¹⁶ Там же. Л. 18.

оценкой наследия Октябрьской революции, дали многие православные предстоятели, что подчеркивается в аналитическом отчете СДР за 1967 г.¹⁷ Во время празднования юбилея по всей стране состоялись торжественные богослужения и проповеди, где говорилось про «50 героических лет», а также многочисленные благодарственные моления о даровании Советскому Союзу и его правительству «благоденственного и мирного жития»¹⁸. Традиция отмечать годовщины революции закрепились в церковной жизни, даже в конце 1980-х годов к соответствующим датам приурочивались важные церковные мероприятия¹⁹.

Судя по источникам, в 1960–1970-е годы тезис о совпадении евангельских и коммунистических социальных идей стал обычной составляющей риторики представителей РПЦ. Так, известный богослов Н. Заболотский в 1967 г. писал, что в результате социалистических преобразований СССР выработал истинный нравственный порядок жизни, а это делает новый мир близким христианину, побуждает его трудиться на благо этого мира [Заболотский, 1967]. Выступая на конференции в Будапеште в сентябре 1969 г., протоиерей П. Соколовский заявил, что в деле построения «наиболее справедливого общества» верующие в СССР не имеют мнения другого, чем их секулярные сограждане – марксисты; патриарх Пимен, отвечая на вопросы итальянских корреспондентов вскоре после своего избрания в 1971 г., утверждал, что поставленная социалистическим обществом цель создания наиболее благоприятных условий для жизни и развития каждого

его члена «весьма близка евангельским идеалам» [Курочкин, 1977, с. 29–30].

В 1970-е годы и советские функционеры, и советская социология, и религия были вынуждены констатировать «коммунистическую трансформацию» православия как свершившийся факт. Представители СДР увидели результаты этой трансформации в выступлениях и решениях знаменитого Поместного собора РПЦ в 1971 г., отмеченных «патриотизмом и интернационализмом», а также поддержкой внутренней и внешней политики правительства СССР²⁰. В 1972 г. (через несколько месяцев после окончания Собора) составители информационного отчета для ЦК КПСС писали, что это событие имело «решающее значение для углубления лояльности и патриотизма не только церковной верхушки, епископата, но и всего духовенства»²¹. В 1977 г. на «коммунистический сдвиг» обратил внимание известный религиовед П.К. Курочкин. Он отметил, что соответствующая идейная трансформация стала совершенно новым явлением религиозно-церковной жизни, «одним из шагов на пути эволюции религии в условиях социалистического общества» [Курочкин, 1977, с. 19]. В отличие от популярного на Западе христианского социализма «коммунистическое» православие в СССР громко заявляло о неприятии капитализма и поддержке социалистических общественных отношений, в том числе борьбы за интенсивное социалистическое строительство. Основными декларируемыми принципами общественного бытия стали мирное сосуществование, свобода, равенство и братство народов, социальная

17 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 10.

18 Там же. Л. 8.

19 Там же. Оп. 6. Д. 3673. Л. 26.

20 Там же. Оп. 5. Д. 801. Л. 31.

21 Там же. Д. 965. Л. 4.

справедливость и прогресс, уважение человеческой личности с параллельной критикой пороков капиталистического строя. Отождествление общественного блага (в его земном измерении) с коммунистическими идеалами стало настолько привычным для церковных иерархов, что даже в разгар перестройки патриарх Пимен, приветствуя в письмах советскому руководству новую политику в отношении к РПЦ, называл ее не возвращением к традиционным ценностям, а воплощением «ленинских норм»²².

«Единственным» противоречием между церковью и партийно-государственным аппаратом в СССР оставался важнейший для любого сообщества верующих вопрос – о Боге. Естественно, здесь церковь не могла перейти на позиции советской власти, не перестав быть самой собой. Некоторые иерархи пытались рассуждать об атеизме как некоем историческом недоразумении, вкравшемся в закономерный и прогрессивный процесс строительства светлого будущего. Так делали, например, уже упоминавшиеся митрополиты Ленинградский Григорий (Чуков) и Ярославский Иоанн (Вендланд). Большинство же старалось не поднимать этот фундаментальный, но неразрешимый вопрос, в публичной риторике сосредотачиваясь на общих целях верующих и неверующих строителей коммунизма.

По всей видимости, просоветская позиция церковного руководства в значительной мере являлась формой мимикрии, необходимой для сохранения церковной жизни в атеистически ориентированном государстве. Уже в 1950-е годы зарубежные православные издания называли «коммунистическую» риторику РПЦ «тяжелой повинностью», которую она платит за возможность

существования [Церковь в Советской России, 1954]. Не факт, что, высказывая идеи о созвучии православных и советских идеалов, видные представители РПЦ действительно в них верили. Однако жизнеспособность церкви в советском обществе в большей степени зависела от того, насколько этими идеями сумеют проникнуться те, кто ежедневно взаимодействовал с верующими, то есть рядовые клирики.

Рядовые клирики и коммунистические идеи

В опубликованных воспоминаниях М. Захарчук, прожившей тридцать лет в качестве матушки в одном из сел Белгородской области, есть очень интересный эпизод об обсуждении православных клириков студентами ЛГУ в 1980 г. Когда автор мемуаров (студентка факультета журналистики) призналась, что вышла замуж за священника, ее спросили: «А правда ли, что все попы – коммунисты?» [Захарчук, 2014, с. 107]. Трудно поверить, что старшекурсники гуманитарного факультета в Ленинграде не осознавали теоретической несовместимости коммунизма и религии. Скорее, этот вопрос (возможно, слегка иронический) опирался на сложившиеся представления о практическом сходстве каких-то черт жизни/риторики членов КПСС и РПЦ. Действительно, источники позднесоветского периода дают основания говорить о таковых.

В 1950-е годы Совет по делам РПЦ начал регулярно фиксировать использование православными священниками идей о совпадении коммунистических и православных идеалов. Если архиереи старались обращаться с такими идеями аккуратно, то рядовые

22 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3673. Л. 71.

клирики порой «рубил с плеча», заявляя о полном совпадении целей государства и церкви. Так, в 1959 г. представитель СДРПЦ указывал в своем докладе, что во время бесед с верующими они, приветствуя проводимые партией и правительством мероприятия, стараются внушить, «что между идеями коммунизма и религии нет никакой разницы, что вся деятельность церкви и духовенства направлена на успешное построение коммунизма»²³. Церковь в таких случаях представлялась и главным проводником политики в борьбе за мир. От приходского батюшки, например, можно было услышать, что тот, кто не ходит в церковь, выступает «против дела мира, а значит, и политики Советской власти»²⁴. А тема выступления перед прихожанами «О борьбе за мир и заботах нашего правительства о благе народа» оказалась одной из наиболее распространенных тем проповедей в 1960-е годы²⁵.

В аналитических материалах СДРПЦ-СДР можно встретить большое количество примеров практической ориентации клириков на советские ценности (за исключением атеизма). Так, здесь можно найти характеристику сельского батюшки, оформлявшего агитационные плакаты с коммунистическими лозунгами²⁶; прочитать про священника, выражающего радость по поводу пионерских галстуков на собственных детях²⁷; встретить немало упоминаний о клириках, ратующих за ударное выполнение планов по развитию социалистического хозяйства

и организующих «трудовые подъемы» масс²⁸.

Одной из задач образованного в 1965 г. Совета по делам религий стал мониторинг содержания проповедей, читавшихся в приходских храмах. К 1967 г. проповедническая деятельность духовенства рассматривалась по меньшей мере в 50 отчетах местных уполномоченных СДР²⁹, и уже тогда стало ясно, что многие клирики стараются во время выступлений перед верующими показать совместимость религии и коммунизма, а также большую роль евангельских истин и христианской нравственности в утверждении новых общественных отношений и воспитании человека нового типа³⁰. В качестве характерной представитель СДР приводит цитату священника кафедрального собора города Калинин Б. Осташевского, который во время проповеди учил, что моральный кодекс строителя коммунизма «признан святой православной церковью как заслуживающий полного одобрения и поддержки»³¹. В другой проповеди он же говорил о том, что коммунистические принципы гуманного отношения друг к другу являются в то же время и христианскими, а СССР, благодаря революции, исключил возможность вражды между людьми разного национального или социального происхождения³².

Некоторые клирики в проповедях стремились доказать, что строительство коммунизма в СССР – это исполнение божественных предначертаний. «Любовь Бога к людям, – проповедовал

23 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1826. Л. 6.

24 Там же. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 406. Л. 58.

25 Там же. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 476. Л. 153.

26 Там же. Оп. 1. Д. 839. Л. 143.

27 Там же. Д. 1826. Л. 9.

28 См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1826. Л. 8–9; Оп. 5. Д. 801. Л. 113.

29 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 31.

30 Там же. Л. 14.

31 Там же. Л. 17.

32 Там же. Л. 21.

в 1967 г. настоятель церкви в Вышнем Волочке, – проявляется в человеческих действиях, направленных на более полное удовлетворение духовных и материальных потребностей людей, на создание более справедливых условий жизни на Земле»³³. Указывая на созвучие идеалов коммунизма евангельским заповедям, многие священнослужители ссылались на цитату из советской Конституции «кто не трудится, тот не ест», которые почти дословно повторяли слова апостола Павла³⁴.

Порой отождествление православных и советских норм у простых клириков приобретало гротескные очертания. Например, один из священников Оренбургской области в 1969 г. во время проповеди задался вопросом: «Что значит православие?». Затем он дал следующий ответ на свой вопрос: «Основанием нашего православия служит Конституция – основной Закон СССР... Православие за собой может чувствовать только тот, кто выполняет свои гражданские обязанности по закону Советской власти». Впрочем, в этом случае среди прихожан нашлись недовольные (названные в информационном отчете СДР «фанатиками»), которые обвинили священника в том, что он проповедует «вместо Христа Ленина»³⁵.

Резюмируя обзор содержания церковных проповедей в 1967 г., составители соответствующей аналитической справки из СДР констатировали, что «довольно значительная» часть

священнослужителей «искренне стала считать идеалы коммунизма своими собственными идеалами»³⁶. Аналогичное суждение представлено и в информационном отчете СДР за 1974 г. Здесь говорится о стремлении клириков совместить коммунистическую и религиозную нравственность в сознании верующих в «единое и неделимое целое», об использовании ими примеров из жизни коммунистов в качестве иллюстрации выполнения библейских заповедей³⁷.

Надо сказать, что и подготовка священнослужителей в позднесоветский период способствовала «коммунистической» трансформации если не в сознании, то в модели взаимодействия с прихожанами. В духовных заведениях кроме предусмотренных программой курсов для будущих пастырей проводилась масса дополнительных культурно-просветительных мероприятий, включая лекции про Ленина и коммунистическую мораль³⁸. Как и в светских образовательных учреждениях, в семинариях организовывались собрания для политинформации, лекции-беседы «У карты мира» и «У карты Родины», показы советских фильмов и киножурналов. Кроме того, для формирования «советского патриотизма» здесь практиковался ежедневный совместный просмотр вечерней программы «Время»³⁹.

Еще в 1950 г. (до того как такие явления стали нормой) известное

33 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 17.

34 Там же. Л. 39.

35 Там же. Д. 476. Л. 155.

36 Там же. Д. 152. Л. 40.

37 Там же. Д. 1305. Л. 114.

38 Например, в Одесской духовной семинарии при содействии местного уполномоченного Совета по делам религий в 1974 г. были прочитаны лекции «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за существование Программы мира, выработанной XXIV съездом партии», «В.И. Ленин и культурная революция», «Коммунистическая мораль об отношении к труду и социалистической собственности», «Воспитание нового человека – важнейшая задача коммунистического строительства», «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания», «Единство партии и народа – ключ всех побед коммунистического строительства», «Внутренняя и внешняя политика КПСС – выражение насущных интересов народа» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 56).

39 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 57.

эмигрантское издание констатировало, что церковь в СССР начинает жить «религиозным патриотизмом с привнесением в него соблазна специфически коммунистического империализма» [О жизни Русской Церкви, 1950, с. 22]. При этом соответствующая позиция клириков вызывала осуждение у зарубежных наблюдателей как приписоченческая. В 1960–1970-е годы такая оценка вряд ли была бы справедливой. Многочисленные свидетельства СДРПЦ и СДР о просоветских поступках и речах клириков говорят о том, что формирование в советском социуме действительно сделало многих батюшек сторонниками советского строя, а вопрос студентов ЛГУ сокурснице относительно «коммунизма у попов» был не настолько нелепым, как теперь кажется. Если не к коммунистическим, то к социалистическим идеям большинство клириков в позднесоветский период относилось вполне лояльно: это регулярно подчеркивалось наблюдателями в документах с грифом «для служебного пользования»⁴⁰. Разумеется, это не означало отсутствия в церковной среде оппозиции – о ней говорится в тех же источниках. Например, в июле 1971 г. в ряде регионов страны стало распространяться анонимное письмо с названием «Вокруг деяний Поместного собора РПЦ», в котором не назвавшие себя члены «Комитета восстановления прав церкви» критиковали руководство РПЦ за соглашательство и декларировали намерение создать в СССР «параллельную» церковь⁴¹. В начале того же года в адрес Московской Патриархии поступил развернутый машинописный текст от группы верующих во главе со священником

Н. Гайновым, в котором архиереи РПЦ критиковались за просоветские взгляды. «Православный христианин, – говорилось в тексте, – не может связывать ... с коммунистическим идеалом ... никаких религиозных чаяний»⁴². Однако такого рода явления воспринимались в 1970-е годы как эксцессы. О священниках, скептически настроенных по отношению к советским ценностям, представители СДР говорили как о меньшинстве, лояльном политически, но не идеологически. Впрочем, и этой категории, по утверждению тех же функционеров, довольно часто приходилось подстраиваться и принимать социализм, но не из-за страха, а потому что «за социализмом идут верующие»⁴³.

Рядовые верующие и советский патриотизм

Чтобы приблизиться к пониманию духовных запросов рядовых посетителей православных храмов в послевоенном (и особенно позднем) СССР, надо учитывать, что на протяжении предшествующих десятилетий партийными и государственными структурами проводилась системная работа по «воспитанию» граждан. Во время войны и, тем более, в последующий период во взрослую жизнь вступили поколения, сформировавшиеся при советской власти, получившие советское образование и воспринимавшие строительство социализма/коммунизма как фундаментальную миссию своей страны. Нельзя было сбрасывать со счетов и достижения (социально-экономические, военно-политические, культурные, научные), которые давали основания

40 См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 40; Д. 965. Л. 177–194; Д. 1305. Л. 112–114 и т. д.

41 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 37.

42 Там же. Л. 38.

43 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 40.

для патриотизма. Несомненно, большая часть населения СССР (по крайней мере, в его культурном ядре, совпадавшем с территорией исторического распространения православия) в послевоенный период имела более-менее сформировавшуюся советскую идентичность. При этом от элементов профессионального сознания, привитого в рамках семьи, отказаться было не просто, что показал церковный ренессанс 1940-х гг. Собственно, именно в это время стали заметны попытки православно-ориентированных граждан каким-то образом соединить религиозные и советские ценности. В письме И. Сталину первый председатель СДРПЦ Г. Карпов в 1945 г. отмечал, что посетители его инстанции, приезжавшие из разных регионов за разрешением на восстановление приходов, часто соединяли в своих заявлениях советско-патриотическую и православную риторику: храмы необходимы для того, чтобы молиться за тех, кто погиб на войне, выполняя свой долг перед советской Родиной⁴⁴.

В 1950-е годы местные уполномоченные СДРПЦ часто замечали, что верующие рассматривают церковь как важную опору советского строя, при этом цитируя наивные заявления: «Церковь борется за мир и за наше правительство» (1952 г.)⁴⁵, «Советская власть дружит с патриархом, вокруг него даже милицию выставляют, чтобы никто не помешал» (1956 г.)⁴⁶, и т. д. Храмы порой представлялись гражданами местами, где можно узнать новости и получить

те или иные социально важные установки⁴⁷.

Причудливые сочетания «советского» и «православного» в сознании многих советских граждан всё чаще ставили в тупик борцов с религией, привыкших противопоставлять две формы мировоззрения. В 1961 г. известный атеист И.А. Кривелев вынужден был отметить, что противоречие между религией и ценностями «нового мира» потеряло былую остроту из-за формирования у верующих просоветских взглядов [Кривелев, 1961]. Во время хрущевской антирелигиозной кампании, когда была поставлена задача разобраться в причинах крепости религиозных «пережитков» и составить «карту религиозности» в СССР [Смолкин, 2021, с. 317], советские авторы, а вслед за ними и партийные лидеры убедились, что новые формы мировоззрения не столько вытесняли, сколько дополняли старые. Например, в одном из партийных докладов было с возмущением сказано, что в домах верующих нередко можно встретить мирно соседствующие молитвенник и Программу компартии⁴⁸. А глава идеологической комиссии при ЦК КПСС Л. Ильичев, выступая на собрании в 1963 г., заявил, что многие граждане СССР считают коммунизм воплощением христианских идеалов⁴⁹.

Ильичев отнюдь не преувеличивал. Среди материалов Института научного атеизма (ИНА) можно найти немало доказательств соединения православно-ориентированными гражданами

44 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

45 ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 37.

46 Там же. Д. 10. Л. 88.

47 В этом смысле примечателен случай, произошедший в 1951 г. в Ижевске. Как отмечает местный уполномоченный Совета по делам РПЦ, агитатор парторганизации Совета Министров Удмуртской АССР зашел в один из городских домов с тем, чтобы рассказать жильцам о деятельности Всемирного Совета Мира. Однако он понял, что жильцы в курсе. Поинтересовавшись, откуда они знают новости про Совет, агитатор получил ответ: «Надо чаще ходить в церковь, тогда всё будешь знать» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 839. Л. 142).

48 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 145.

49 Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–23.

идей и символов двух формально несочетаемых культур. Так, в ходе изучения особенностей религиозности населения Воронежа в 1968 г. сотрудники ИНА констатировали, что многие посетители пасхальных служб, «оправдываясь» за посещение храма, сравнивали Иисуса Христа с главным символом коммунистической культуры – Лениным. Вот некоторые цитаты: «Христос был справедливым человеком, как Ленин», «Христос был настоящим коммунистом», «Как Ленин за народ, так и Бог за народ», «Христос – что Ленин. Его нет, но его помнят», «Ленин был – верим. Так и Христос был – верим» и т. п.⁵⁰

Упомянувшееся выше послание Патриарха в честь 50-летия Октября (1967 г.), судя по многочисленным донесениям с мест, было воспринято населением позитивно, при этом особенно людям импонировала готовность церкви говорить о вере в связи с реальной жизнью⁵¹. В 1969 г. СДР в ходе анализа содержания проповедей констатировал ту же тенденцию: верующие в большинстве своем хотели слышать от клириков практические рекомендации для жизни в советской действительности, фактически требуя синтеза православных и советских ценностей. В качестве примера в информационном обзоре приводится заявление прихожанки Путинцевой из Черниговской области, которая утверждала, что «... человека прежде всего надо поучать, чтобы он трудился, любил свою Родину, был патриотом нашей страны, а не призывать нас жить так, как жили святые. Они же

только и знали, что постились и молились, но не трудились»⁵². В аналогичном обзоре СДР за 1971 г. рассказывается о большой популярности у жителей Черкасской области священника, гордившегося полученным за прокоммунистическую деятельность прозвищем «советского попа»⁵³.

Еще одним свидетельством практического сочетания ценностей советского мира и конфессиональных устоев стала популярность православных богослужений во время советских праздников. Богослужения, приуроченные к 1 января, 1 мая, 9 мая, 7 ноября, 5 декабря оказывались неординарными: несмотря на их будничность с точки зрения церковного календаря, в церквях собиралось людей больше, чем обычно⁵⁴. По свидетельствам клириков, прихожан привлекала патриотическая тематика сопутствующих этим богослужениям проповедей⁵⁵.

Обобщая особенности культуры верующих СССР в информационном отчете для ЦК КПСС в 1973 г., представители СДР опять же отмечали ее «советскую» трансформацию. В частности, отмечалась требовательность прихожан к идейной ориентации священника, который теперь должен был доказывать верующим свою лояльность по отношению к Советскому государству, зарекомендовать себя патриотом. «Без этого священник, – говорилось в отчете, – не будет принят верующими как свой, хороший батюшка»⁵⁶.

Не было ли в выводах СДР преувеличения? Возможно, они несколько

50 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 69.

51 Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 8–18.

52 Там же. Д. 476. Л. 153.

53 В документе говорится о том, что священник, позиционировавший себя как «участник предсъездовского трудового подъема масс» и бесплатно выходивший с женой работать в колхозное поле, считался главным «наставником» в своем селе и был уважаем как собственными прихожанами, так и не посещавшими церковь людьми. После увольнения из прихода в его защиту посыпались заявления с тысячами подписей (см.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 113).

54 Там же. Д. 476. Л. 155д.

55 Там же. Л. 155е.

56 Там же. Д. 1176. Л. 47.

«лакировали» действительность, однако сам факт «коммунистического» сдвига в сознании верующих сомнений не вызывает: о нем свидетельствуют современные полевые исследования.

«Советская ностальгия» у православных в постсоветский период

В своей знаменитой монографии о жизни последнего советского поколения А. Юрчак пишет о «постсоветской ностальгии» у многих проинтервьюированных им гражданах «новой» России. В основе этой ностальгии – тоска по отчасти утерянным, но важным смыслам, которые были присущи жизни множества советских людей. К ним исследователь относит уважение к образованию и труду, дружбу, относительную неважность материальных благ, заботу о будущем страны, равенство, бескорыстие [Юрчак, 2021, с. 45]. Удивительно, однако такого рода ностальгия (ее можно назвать и «советской») присуща и многим современным православным верующим, чье личностное становление пришлось на позднесоветский период.

В 2021–2022 гг. автором статьи и его коллегами было проведено специальное анкетирование, направленное на выявление отношения православно-ориентированных граждан старшего возраста к советским ценностям. Условием участия в анкетировании была вовлеченность (хотя бы символическая) опрашиваемых в приходскую жизнь в позднесоветский период и на современном

этапе. В 2021 г. им было предложено заполнить анкету на тему «Православные традиции в СССР», среди прочего включавшую вопросы о возможности верующих доверять советской власти, а также совмещения веры в Бога и в наступление коммунизма (такую анкету заполнили 144 человека в возрасте от 52 до 88 лет)⁵⁷. В 2022 г. было организовано анкетирование на тему «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период», в ходе которого был задан вопрос о соответствии реалий советской жизни православным ценностям (эту анкету заполнили 58 человек в возрасте от 48 до 82 лет).

Главным выводом, который был сделан по итогам двух «раундов» полевых исследований, явилось отсутствие явного противопоставления советской и православной культуры большинством опрошенных. В 2021 г. 65% заполнивших анкету утвердительно ответили на вопрос о том, можно ли было доверять советской власти и при этом посещать православный храм. Основным аргументом при этом стало указание на разные миссии советского государства и церкви: первое, согласно высказанным мнениям, должно было обеспечить условия для справедливо устроенной жизни, а вторая была призвана помочь людям в поддержании душевных сил. Характерные цитаты из анкет: «Да, можно... Так делала моя мама. Она была кавалером ордена Трудовой Славы и при этом глубоко верующим человеком. Ей вера дала сил вырастить детей после войны, так как мой папа погиб на фронте»⁵⁸; «Можно, была бесплатной

57 Подробнее об обстоятельствах анкетирования, а также содержании анкеты см.: Апанасенко А.В., Пудякова И.С. Проблема совмещения советской и православной идентичности гражданами СССР в зеркале воспоминаний жителей провинциальной России // Провинциальные научные записки. 2021, №2. С. 12–18 (в публикации охарактеризованы промежуточные, то есть неполные результаты анкетирования)

58 Анкета Е.С. Каменевой, 1936 г.р. /Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г. (анкетирование) (АП СИПР, 2021).

медицина, обучение, давали квартиры работающим»⁵⁹; «Конечно, можно было доверять, ведь всё делалось для человека... Мы служили власти и тайно верили в Бога»⁶⁰.

Значительная часть (53%) опрошенных дала положительный ответ на вопрос о том, возможно ли было верить в Бога, но одновременно с этим надеяться на построение коммунизма. Тексты анкет дают основания говорить о том, что коммунизм нередко виделся земным воплощением православных идеалов. «Коммунисты хотели, чтобы по справедливости всё было устроено. Как в Писании. Только они в Бога не верили. Хотя некоторые верили. И мы верили»⁶¹; «Я думаю, что коммунизм не отвергает веру в Бога, потому что коммунизм призывает людей делиться тем, что есть, с другими»⁶². Такого рода мысли, в принципе созвучные охарактеризованной выше церковной риторике 1950–1970-х годов, представлены в разной форме во множестве анкет.

На вопрос «Можно ли считать, что советский уклад жизни в чем-то воплощал православные ценности?» в 2022 г. утвердительно ответили подавляющее большинство опрошенных – 84% (некоторые поставили восклицательный знак после «да»). Небольшая часть (15%) затруднились с ответом и лишь один человек написал «нет». Поясняя свою позицию, большинство указали на соответствие православным идеалам тех качеств, которые пыталась воспитать в гражданах СССР советская власть. «Провозглашаемые на государственном уровне ценности соответствовали библейским заповедям»⁶³;

«Да, одновременно с гонениями на Церковь воспитывались христианские идеалы: скромность, смирение, любовь к ближнему»⁶⁴; «В советское время воспитание совпадало с христианскими заповедями, которые отражались в таких понятиях, как помощь ближнему, почитание старших, ответственность»⁶⁵, – характерные выдержки из анкет. Опрошенные вспоминают моральный кодекс строителя коммунизма как вытекающий из христианских ценностей, преподававшуюся в школе «нравственную» литературу (в том числе писателей-коммунистов, таких как Аркадий Гайдар), христианскую, по сути, скромность питания, осуждение потребительства и т. д.

Наверняка трансляция светлых образов культуры СССР пожилыми верующими отчасти связана с ностальгией по молодости и стремлением хранить в памяти прежде всего что-то хорошее. В то же время нельзя не видеть, что охарактеризованные выше суждения гармонично укладываются в церковный дискурс позднесоветского периода, ориентированный на максимально возможное согласование элементов православного и коммунистического мировоззрения.

Большинство опрошенных так или иначе признают парадокс совмещения православных ценностей и атеизма в рамках советского общества, однако не пытаются это явление объяснить. В некоторых случаях сквозь строки сквозит убежденность, что ввиду человеческого несовершенства невозможно привести все элементы мировоззрения к общему знаменателю. Бывший

59 Анкета Т.Н. Уваровой, 1943 г.р. / АП СИПР, 2021.

60 Анкета Юрия П.И., 1942 г.р. / АП СИПР, 2021.

61 Анкета Л.Т. Ворошиловой, 1941 г.р. / АП СИПР, 2021.

62 Анкета В.А. Кореневой, 1965 г.р. / АП СИПР, 2021.

63 Анкета С.А. Кононовой, 1960 г.р. / АП СИПР, 2022.

64 Анкета Г.И. Логачевой, 1968 г.р. / АП СИПР, 2022.

65 Анкета В.Д. Изварина, 1958 г.р. / АП СИПР, 2022.

офицер – член КПСС, не вписавший в анкету свою фамилию, но развернуто ответивший на все вопросы, так выразил эту мысль: «Я, как и все коммунисты, был атеистом. Проводя занятия с военнослужащими, я убеждал их тоже быть атеистами, но в душе я верил в Бога, иногда ходил в церковь. Тайно»⁶⁶.

Заключение

Итак, приведенные факты дают возможность говорить о масштабной трансформации, которую пережила неписаная социальная доктрина РПЦ, а вместе с ней и сознание православно-ориентированных граждан СССР в эпоху развитого социализма. Эта трансформация обусловила не только политическую, но и в значительной степени идеологическую лояльность верующих советскому строю. Фактически начало ей положил «сталинский конкордат», а фактом жизни церкви как сообщества верующих она стала в позднесоветский период. В процессе интеграции в советскую реальность церковь сформировала поле общих ценностей с государством и КПСС, главными из которых стали советский патриотизм, борьба за мир, социальная справедливость и социальный прогресс. В 1950–1980-е годы они неизменно провозглашались в официальных выступлениях, проповедях, публикациях представителей церкви. При этом последние старались по возможности не затрагивать самого главного, но неразрешимого в советских реалиях противоречия относительно нужности самой религии.

Лояльность РПЦ как института по отношению к советской власти в послевоенный период – известный факт.

Однако неправильно видеть в этом факте лишь стремление приспособиться. «Коммунистическая» риторика, подвергавшаяся резкой (и не вполне справедливой) критике православными кругами на Западе, определялась не только стремлением церкви обеспечить себе сносное существование в Советском государстве. Разумеется, просоветские выступления и публикации высокопоставленных представителей РПЦ были неотъемлемыми элементами стратегии выживания. Но, вне зависимости от мотивации авторов, они серьезно влияли на рядовых клириков, формируя положительные установки в отношении советской реальности. В позднесоветский период большинство священников принадлежали к поколениям, прошедшим социализацию уже в советский период, поэтому стремление к внутреннему согласованию православной и советской культур было для них вполне естественно. Результатом такого согласования нередко становилось отождествление церковных и государственных задач, а также христианской и коммунистической морали.

Контуры «коммунистической» трансформации церкви оказались заданы и духовными запросами православно-ориентированных граждан, всё больше привыкавших считать себя советскими людьми и нередко искренне надевавшихся на коммунистическую перспективу. Значительная часть населения видела в социалистических преобразованиях практическое воплощение христианских ценностей, закрывая глаза на атеизм господствующей идеологии или рассматривая его как недоразумение, с существованием которого необходимо смириться. Миссия церкви при этом часто связывалась

66 Анкета Юрия П.И., 1942 г. р. / АП СИПР, 2021.

посетителями православных храмов с духовной поддержкой в новых социальных условиях и помощью государству в его благих начинаниях.

В заключение хочется подчеркнуть: исследование проблемы отношения клириков, рядовых верующих и сочувствовавших религии граждан СССР к советским реалиям явственно показывает неудовлетворительность модели черно-белого социализма, предполагающей рассмотрение прошлого православия через призму бинарных категорий «притеснение»/«сопротивление», «приспособленчество»/«нонконформизм». Многочисленные источники показывают, что делить граждан СССР на отказавшихся от религии и принявших советский образ жизни, с одной стороны, и оставшихся верными традиционной конфессиональной культуре противников коммунистических идей, с другой, – значит сильно упрощать историческую реальность. Общественный запрос на синтез традиционных конфессиональных и «социалистических» ценностей был и остается в отечественном социуме достаточно высоким.

Список литературы

- Апанасенок А.В., Бубнов А.Ю. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. // Вопросы истории. – 2021. – № 12-3. – С. 204–214. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi93.
- Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 104–129. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129.
- Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 130–149. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149.
- Воробьева Н.В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. – Омск : ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. – С. 962–963.
- Заболотский Н. Русская православная церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской патриархии. – 1967. – № 7. – С. 33–38.
- Захарчук М. На поповских хлебах: Рассказы матушки. – Рязань : Зерна-Слово, – 2014. – 192 с.
- Каиль М.В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. – 2021. – № 3 (69). – С. 74–86. – DOI: 10.54770/20729286_2021_3_74.
- Крывелев И.А. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР // Советская этнография. – 1961. – № 4. – С. 30–44.
- Куручкин П.К. Эволюция религии и церкви в социалистическом обществе // Вопросы научного атеизма. – Вып. 21. – Москва : Мысль, 1977. – С. 19–36.
- Лизгунов Павел (иерей). «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е – 1980-е гг. // Церковный историк. – 2021. – № 2 (6). – С. 147–157.
- Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский). К миру призвал нас Господь // Журнал Московской патриархии. – 1948. – № 1. – С. 61–64.

Людоговский Н.С. Записки паломника. – Москва : Сатисъ, 2008. – 203 с.

Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

О жизни Русской Церкви // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж, 1950. – № 1. – С. 19–24.

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. – Москва : Республика. – 511 с.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.

Сорок лет возрожденного патриаршества // Журнал Московской Патриархии. – 1957. – № 12. – С. 36–45.

Такахаси С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (30). – С. 328–348.

Худяков С.Н. О преодолении религиозных предрассудков. – Кишинев : Гос. изд-во Молдавии, 1951. – 32 с.

Церковь в Советской России // Вестник русского студенческого христиан-

ского движения. – Париж, Нью-Йорк, 1954. – № 1. – С. 21–26.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – Москва : Вече, 2010. – 478 с.

Шлихта Н.В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. – 2012. – № 23. – С. 82–107.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 6-е изд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 661 с.

Siegelbaum L.H. Religion, Anti-Religion and Double Faith // Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. – Cambridge : Cambridge University Press., 1992. – P. 156–165.

Stone A.B. “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. – 2008 – Vol. 67, no. 2. – P. 296–320.

Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1997. – 307 p.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

The “Communist” Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR

Alexander V. APANASENOK

DSc (History), Leading Researcher, Department of History
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: apanasenok@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4650-3730

CITATION: Apanasenok A.V. (2022). The “Communist” Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 163–184 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.09

Received: 15.09.2022.

Revised: 01.11.2022.

ABSTRACT. *The paper is devoted to the phenomenon of the “communist shift” in the mass Orthodox culture of the late USSR. The author analyzes the pro-Soviet rhetoric of the Russian Orthodox Church, as well as the peculiarities of the consciousness of ordinary believers which allowed the community of Orthodox-oriented citizens to remain part of the Soviet society in the cultural dimension. The paper shows that the Church made significant efforts to form a social concept consonant with the ideals of the communist party in the post-war period. The basis of this concept was Soviet patriotism, the struggle for peace, equality and fraternity of peoples, social justice and progress, respect for personality together with criticism of the vices of the capitalist system. In the 1950s and 1980s, the corresponding values were repeatedly proclaimed in official*

speeches, sermons, publications of the representatives of the Russian Orthodox Church. At the same time, they tried not to touch on the fundamentally insoluble in the Soviet realities contradiction between religious and atheistic worldviews.

The “communist transformation” of the Church as a community of believers was not just a survival strategy. Socialization in the Soviet cultural environment led to the formation of a large stratum of the priests who sincerely shared the ideals of building a “new world”, believed in the compatibility of religion and communism, as well as the great historical mission of the USSR. The Soviet patriotism of the clerics was also stimulated by the spiritual demands of the Orthodox-oriented citizens who were increasingly accustomed to consider themselves Soviet people. The work demonstrates that

a significant part of the population saw the practical embodiment of the Christian values in the socialist transformations, turning a blind eye to the atheism of the dominant ideology or viewing it as a misunderstanding, the existence of which must be reconciled. At the same time, the mission of the Church was often associated with spiritual support in new social conditions and assistance to the state in its good endeavors by adherents of Orthodox churches.

KEYWORDS: *Orthodoxy, the USSR, Soviet culture, public consciousness, communist values, patriotism, identity.*

References

- Apanasenok A.V., Bubnov A.Y. (2021). Orthodox Practices in the structure of everyday life of the USSR citizens in 1940s – 1950s. *Voprosy istorii*, no. 12-3, pp. 204–214 (in Russian). DOI: 10.31166/Voprosy-Istorii202112Statyi93.
- Beglov A.L. (2018). International Activity of the Russian Orthodox Church during the “New Deal” Between the State and the Church. Periodization and the Elements of Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 4, pp. 104–129 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129.
- Belyakova N.A., Pivovarov N.Yu. (2018). Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 4, pp. 130–149 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149.
- Hudyakov S.N. (1951). *About overcoming religious prejudices*. Kishinev : State Publishing House of Moldova, 32 pp. (in Russian).
- Kail’ M.V. (2021). Orthodoxy in Russia 1914–1964: The Experience of Studying and Public Memory in the Discourse of Repression and the Search for Alternative Cognitive approaches. *Novyj istoricheskij vestnik*, no. 3 (69), pp. 74–86 (in Russian).
- Kryvelev I.A. (1961). Overcoming religious and everyday survivals among the peoples of the USSR. *Sovetskaya Etnografiya*, no. 4, pp. 30–44 (in Russian).
- Kurochkin P.K. (1977). Evolution of religion and the Church in a socialist society. *Voprosy nauchnogo ateizma*, issue 21. Moscow : Mysl’, pp. 19–36 (in Russian).
- Lizgunov Pavel (priest). (2021). The Journal of the Moscow Patriarchate as an Instrument of ‘Reconciliation’ of Orthodox and Soviet Identities Among Believers in the USSR in the 1940s–1980s”. *Cerkovnyj istorik*, no. 2 (6), pp. 147–157 (in Russian).
- Ludogovskiy N.S. (2008). *Notes of a pilgrim*. Moscow : Satis, 203 pp. (in Russian).
- Luka (archbishop of Crimea and Simferopol) (1948). The Lord has called us to peace. *Zhurnal Moskovskoj patriarii*, no. 1, pp. 61–64 (in Russian).
- Melnik S.V. (2022) *Interreligious dialogue: typologization, methodology, forms of implementation*. Moscow : INION RAN, 398 pp. (in Russian).
- O zhizni russkoy tserkvi (1950). About the life of the Russian Church. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya*, Paris, no. 1, pp. 19–24 (in Russian).
- Pospelovskij D.V. (1995). *The Russian Orthodox Church in the XX century*. Moscow : Respublika, 511 pp. (in Russian).
- Shkarovskij M.V. (2010). *The Russian Orthodox Church in the XX century*. Moscow : Veche, 478 pp. (in Russian).
- Shlihta N.V. (2012). “Orthodox” and “Soviet”: on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s–early 1970s)’. *Antropologicheskij forum*, no. 23, pp. 82–107 (in Russian).
- Siegelbaum L.H. (1992). Religion, Anti-Religion and Double Faith // Soviet

State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 156–165.

Smolkin V. (2021). *A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 552 pp. (in Russian).

Sorok let... (1957). Forty years of the revived Patriarchate. *Zhurnal Moskovskoj Patriarii*, no. 12, pp. 36–45 (in Russian).

Stone A.B. (2008). “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

Takahasi S. (2012). Two types of religiosity from the time of late Socialism: Orthodox believers of the Vladimir region. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4 (30), pp. 328–348 (in Russian).

Tserkov' v Sovetskoy Rossii... (1954). The Church in Soviet Russia. *Vestnik russkogo studentcheskogo hristianskogo*

dvizheniya. Paris, New-York, no. 1, pp. 21–26 (in Russian).

Young G. (1997). *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park : Pennsylvania State University Press, 307 pp.

Yurchak A. (2021). *It was forever, until it was over. The last Soviet generation*. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 661 pp. (in Russian).

Vorob'eva N.V. (2019). Constructing the “Soviet” Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops. *Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Omsk : Omsk St. Univ. Publ., pp. 962–963 (in Russian).

Zabolotskij N. (1967). The Russian Orthodox Church in new social conditions. *Zhurnal Moskovskoj patriarii*, no. 7, pp. 33–38 (in Russian).

Zakharchuk M. (2014). *On priestly bread: Mother's Stories*. Ryazan : Zerna-Slovo, 192 pp. (in Russian).